

стояния, в которое ставится сознательный и свободный субъект и которое позволяет большим, чем мы, силам, действовать через нас. Удержание этой «пристройки» и есть долг и ответственность субъекта свободного выбора.

Можно, как это делает, например, принадлежащий христианской традиции С.С. Хоружий, придать этим силам статус объективно внешних по отношению к субъекту свободы, можно, как это делает Хайдеггер, оставить вопрос в диалектически подвешенном состоянии, но, на мой взгляд, «личность как автопроект» — перформатив, который в вопросе о личности оставляет в стороне слишком много важного и тем самым в конечном итоге дезориентирует самопонижение личности.

ПАРАДОКСЫ ДВАЖДЫ ПОСТ-ПЕРСОНЫ

В.А. СУЛИМОВ

Проблема постперсонологии, которая послужила поводом для нашего достаточно серьезного обсуждения, *проявилась*. Она существовала всегда как синдром страха и не-нормативности индивидуального бытия человека, но проявилась в проблемной постановке сегодня.

Признаками движения к постперсонологии, наблюдавшимися на протяжении нескольких последних веков, были напряжения и разрывы в виртуальном образе *целостности* себя-в-мире и мира-в-себе, все в большей степени заменявшихся различными вариантами экзистенциального отчуждения. Это экзистенциальное отчуждение не воспринималось как таковое, а долго и мучительно порождало «двоемыслие», «двоемирие», «горькие сомнения и тягостные раздумия» (*И.С. Тургенев*), которые в текстах русской культуры, например, превращались в ком непроясненных и непреодолимых антиномий (жизни и свободы, меры добра и зла, веры и неверия, обычая / традиции и эгоизма, даже долга и чести — как в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина). В этом смысле разрушение в классической русской литературе внешней наррации в пользу наррации внутренней, психологической и даже культурно-антропологической по содержанию и методам презентации явилось сильным откровением для мировой философско-научной мысли конца XIX — начала XX вв., никогда не скрывавшей «русского следа» теорий «разорванного сознания»¹⁰.

¹⁰ Достаточно вспомнить хрестоматийные высказывания З. Фрейда или А. Эйнштейна об истоках идей «рваного», квантированного мира.

В работах М. Бахтина и Г. Шпета стала выкристаллизовываться идея бытия личности-в-тексте и личности как текста, «раздвоение» которой на Одного и Другого явилось главным условием интеллектуального существования мира. Это означало, по сути дела, нормализацию синдрома, преобразование болезненного состояния в повседневность. Однако, приобретенное экзистенциальное единство-в-парадоксе, примеренное в своей когнитивной основе понятиями ситуативности, контекста и интертекстуальности (что характерно, в частности, для Европы 60-х гг. XX в., освоившей парадокс как метод в логике, философии, научной и художественной практике), оказалось разрушенным изнутри — эпистемологически.

В этом, на мой взгляд, заключается тот новый когнитивный парадокс, который возник как эманация нового типа незавершенного человека — самозванческого или пост-постнеклассического. Эта «дважды пост» эпоха (эпоха пост-постнеклассическая), плавно входящая в пространство текстов культуры, означает не сглаживание разрыва, не привыкание к нему, а усиление разрывных тенденций, когда традиция, да и сам «социальный порядок» обыденности оказываются «взорванными изнутри» — эпистемологически, логически, когнитивно, семиотически.

Сам разрыв происходит на волне информационной революции, многократно увеличившей объем, содержание и способы презентации информационного потока и тем самым взломавшей границу между миром бытия сознания и миром бытия информации¹¹. При всей затрудненности наблюдений над процессом можно привести несколько следствий этого взрыва: замена дискретного знака континуальным, означающим только *позицию* в языковом континууме (и, конечно, *отношение* к этой позиции), замена классической эпистемы или логоэпистемы квазиэпистемой, обладающей *подвижным содержанием* (контекстным, затекстным, гипертекстным и т.п.), замена телеологического пространства (или=системы целей) системой процессуальных теней или образов, обозначающих не достижение цели, а понимание (и=ощущение) движения к достижению цели как вечно незавершенному результату.

Думаю, что основная задача современных дискурсивных философских практик, в том числе нашего обсуждения, заключается как раз в создании ощущения *движения к незавершенности*, что и является попыткой эманации самой интеллектуальной личности как той «точки сборки свободы и ответственности», о которой говорит Г.Л. Тульчинский.

¹¹ В частности, речь может идти об интериоризации интеллектуальным сознанием гиперслова и системы гиперссылок Интернета, создающих новые «миры существования».